

*Фёдор Гайда*

**Рец. на: И.В. Воронцова. «Заколдованный круг русского сознания...».**  
**Проблемы социально-религиозного поиска в православной России второй**  
**половины XIX – начала XX века. М.; СПб.: Нестор-История, 2020. 936 с., ил.**

*Fyodor Gayda*

*(Lomonosov Moscow State University, Russia;  
Saint Tikhon Orthodox Humanitarian University, Moscow, Russia)*

**Rec. ad op.: I.V. Vorontsova. «Zakoldovanniy krug russkogo soznaniya...».**  
**Problemy sotsial'no-religioznogo poiska v pravoslavnoy Rossii**  
**vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka. Moscow; Saint Petersburg, 2020**

DOI: 10.31857/S2949124X23040168, EDN: HPEIBH

Монография И.В. Воронцовой и развития идей, уже звучавших в её стала результатом многолетней кро- предыдущей книге<sup>1</sup>. В центре внима- потливой исследовательской работы ния автора – «неохристианское» дви-

---

Материал подготовлен при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

жение в среде русской интеллигенции в 1901–1913 гг., его истоки во второй половине XIX в., связи с оппозиционными социалистическими деятелями, а также влияние на него католического модернизма и других европейских веяний. Так широко данное явление историками ещё не рассматривалось. Тем не менее Воронцова подробнейшим образом анализирует имеющуюся русско-, англо-, франко- и немецкоязычную литературу, посвящённую отдельным аспектам исследуемой темы. При этом, учитывая труды предшественников, она опирается на солидную документальную базу и активно использует материалы на русском, английском и французском языках, как опубликованные, так и извлечённые из девяти архивов Санкт-Петербурга, Москвы и Вильнюса. По большей части эти источники ранее не были известны историкам. Но тем более досадно, что в тексте иногда встречаются слепые сноски.

Работа написана на стыке истории, философии и богословия. Большое внимание в ней уделяется проработке терминологии и уточнению таких понятий, как «религиозное сознание», «религиозное движение», «религиозный модернизм». По словам Воронцовой, «сознание русского человека обречено бродить по замкнутому кругу социального и религиозного вопросов. Сострадание и любовь к “маленькому человеку”, забытому государством и забытому нуждой, в этом кругу то перевешивает, то уравнивается любовью к Божественному Страдальцу, побуждая оставить земное и устремиться к небесному» (с. 5). Этот мотив звучит и во введении (отчасти предвосхищающем выводы), и в тезисном изложении монографии», и в заключении. Чувствуется, что автор находится под сильным обаянием прот. Г.В. Флоровского, в своём эпохальном произведении «Пути русского богословия»

(1937) чётко обозначившего главные тенденции русской богословской и религиозно-философской мысли второй половины XIX — начала XX в.: нравственный монизм и поиск социальной справедливости.

Воронцова связывает эти черты с кардинальной перестройкой экономического уклада страны и трансформацией общества, начавшейся ещё в петровское время и в эпоху Просвещения (с. 7, 43–44). Происходившие в пореформенной России процессы заметно влияли на богословскую мысль (архимандрит Феодор (Бухарев), прот. А.П. Устьянский и др.), многие религиозные активисты начала XX в. прошли через увлечение народничеством (с. 7). А «философия В.С. Соловьёва была сферическим зеркалом, сфокусировавшим в себе не только поиск церковными мыслителями 2-й пол[овины] XIX в. новой апологетики, но и идейные центры будущего религиозного движения за глубокую церковную реформу» (с. 334). При этом стоило бы отметить начавшееся на рубеже 1880–1890-х гг. сближение Соловьёва с левым либерализмом, сотрудничество с журналом «Вестник Европы». При всех концептуальных расхождениях философа с либералами он признавал себя их политическим союзником<sup>2</sup>. Не случайно его творчество оказало огромное влияние на формирование идейной основы русского радикального либерализма, изложенной в 1902 г. в сборнике «Проблемы идеализма».

Значительная часть религиозных мыслителей начала XX в. (С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев и др.) в молодости являлись приверженцами марксизма. Их духовные искания переплетались в то время с социально-политическими, всё более приобретающими революционный оттенок. В итоге, как пишет Воронцова, «политизация доктрины, приведшая неохристиан к идее сою-

за с социал-демократами, как и дискуссия 1907–1911 гг., показали, что и те, и другие заботились прежде всего о “земле”, психофизических и социальных потребностях человека, выстраивали общественную идеологию будущего государства (первые — религиозную, вторые — атеистическую). Дискуссии неохристиан с марксистами-богостроителями способствовали появлению в среде революционной элиты убеждения, что религиозная реформация в России неизбежна» (с. 533).

Не менее характерно и сближение российских «неохристиан» с европейскими католическими модернистами (А. Луази, М. Эбером, Дж. Тиррелом, Г. Морелем, М. Здзеховским и др.), которые также стремились к церковному обновлению (с. 36, 345–346, 757), демонстрировали критическое отношение к исторически сложившимся церковным структурам и практикам, мечтали о гармонизации христианства и «передовой» мысли, о разработке верующими собственного социального учения и возникновении соответствующего массового движения (с. 758–760). Неудивительно, что посвящённую данному сюжету главу в монографии предваряет эпиграф из знаменитого доклада В.А. Тернавцева на первом заседании петербургских Религиозно-философских собраний 29 ноября 1901 г.: «Русская интеллигенция, находясь в глубоком родстве с движениями Запада, значительную меру своего одушевления черпает там» (с. 673).

Впрочем, имело место и обратное влияние. По-видимому, именно вслед за Тернавцевым французский публицист Ш. Моррас писал в 1905 г. об «интеллигенции» как о силе, способной выступить духовным и политическим авангардом Европы, вернуть ей свободу, уберечь от засилья капитала. При этом он пояснял: «Мы говорим об Интеллигенции так, как о ней говорят

в Санкт-Петербурге, то есть о ремесле, о профессии, о партии Интеллигенции. Так что речь идёт не о том влиянии, которое в любые времена мог обрести интеллект литератора, поэта, оратора, философа... Мы исследуем не судьбу отдельных исключительных индивидов, будь они даже теми, кто действует посредством пера, не судьбу великих моральных и политических коллективов, в которые могут входить пишущие. Речь пойдёт об общей судьбе литераторов, об их корпорации и том блеске, которого она достигла своим трудом на протяжении двух последних веков»<sup>3</sup>. С обсуждения доклада Тернавцева началось переосмысление представлений об «интеллигенции» и её роли в новом религиозном движении (Д.С. Мережковский, С.Н. Булгаков и др.)<sup>4</sup>.

Свою главную задачу «неохристиане» видели в радикальном преобразовании устройства и жизни Церкви (с. 40, 44). Но если в кружке Мережковского проповедовали «революцию духа», то реформаторы октябристского (В.Н. Львов) и околокадетского (С.Н. Булгаков) толка предпочитали разрушать существовавшие учреждения и порядки. Начатая в марте 1917 г. «церковная революция» энергично поощрялась Львовым, занявшим пост обер-прокурора Святейшего Синода. Сменивший его А.В. Карташёв был близок к кружку Мережковского. Впоследствии на идеи внутрицерковной оппозиции 1905 г. опиралось обновленчество начала 1920-х гг. Как отмечает Воронцова, «это была религиозная общественность, потенциально готовая в новых исторических обстоятельствах поддержать “революцию” в Церкви. Подлинная модернизация православной Церкви в России, т.е. на канонических основаниях и в насущно необходимых видах реформ, была совершена соборными силами самой Церкви в 1917–1918 гг.

на Поместном соборе Православной Российской Церкви» (с. 13).

Большой интерес вызовут у читателей иллюстрации и обширные (более 80 страниц) приложения к монографии, среди которых «Программа голгофского христианства» старообрядческого епископа Павла (Семёнова), переписка В.В. Розанова, С.Н. Булгакова, К.М. Агеева, А.В. Карташёва, перевод писем А. Луази и Дж. Тиррела, отрывки из сочинений английских и французских модернистов.

В целом, книга И.В. Воронцовой открывает новые перспективы для

изучения русской богословской и общественной мысли.

### Примечания

<sup>1</sup> *Воронцова И.В.* Русская религиозно-философская мысль в начале XX века. М., 2008.

<sup>2</sup> *Прибыткова Е.А.* Несвоевременный современник: философия права В.С. Соловьёва. М., 2010. С. 120–123.

<sup>3</sup> *Моррас Ш.* Будущее интеллигенции. М., 2003. С. 15.

<sup>4</sup> Подробнее см.: *Гайда Ф.А.* Миссия «интеллигенции» в публицистике русского освободительного движения (1882–1909) // Вопросы философии. 2019. № 9. С. 141–149.